

ДМИТРИЙ АРТИС

МИМО ДОМА С КУПОЛАМИ

А если стихи без причины, без дат,
лишённые авторских прав, – победят?

А если туман, обнимающий пруд,
сочтёт своё счастье за каторжный труд?

А если с Европой, которая Рим,
провинцию в духе Твери сотворим?

А если случайно один материк
пристанет к другому на время впритык?

А если Земля обернётся Луной
и станет всего лишь планетой одной?

А если Вселенная, будто в игре,
забудется где-нибудь в чёрной дыре?

А если, а если... Покуда живой,
стихи мои вряд ли сравнятся со мной.

С миру по нитке – и будет стежок,
с миру по строчке – напишешь стишок,
с миру по теме и можно к поэме
самый широкий добавить штришок.

С женщины каждой – по ласке одной,
с каждой дороги – вернуться домой.
Как ни ругаюсь, всегда под ногами
крутится, вертится шарик земной.

С друга – монетку, а с недруга – две.
Все, как один, растворимся в траве.
В солнечном свете поднимется ветер,
будто несчастья в моей голове.

Пусть голосит распечатанный рот,
как на гулянке предвечный народ,
лишь бы, покамест со всеми ругаюсь,
шарик земной совершал оборот.

Пока не выпещрены ливнями
тропинки вдоль старинных дач
и комары скромнее линии
глухих электропередач,

пока не поздно и над безднами
открыт воздушный коридор,
и не такой уж страшной бездарью
слывёт по праву Купидон,

оставь свой Рим и в Домодедово
с утра пораньше приезжай
в корзину сердца разогретого
сбирать клубничный урожай.

Он умер в Мытищах с мечтой о пустом,
со стула скатившись под офисный стол.

Отныне за должность и крепкий оклад
не он потревожит начальственный зад.

Как мнимую вечность, покрытую сном,
коллеги под вечер забудут о нём.

Всплакнёт секретарша директора: «Вот
печалька», чуть раньше с работы уйдёт.

Ей вспомнится, знаешь, как еле живой
он звал её замуж во тьме кладовой.

Достанет мобилу, сотрёт номерок,
ему на могилу закажет венки.

Утро выдалось бескровное,
будет солнечно и ветрено.
Подлецы рядятся в клоунов,
улыбаются приветливо.

Перспективные, бесстыжие,
вечеринок завсегдаги,
если коротко подстрижены,
значит, очень бородатые.

Если кое-как философы,
значит, где-то математики,
обработанные фосфором
на лице лоснятся вмятины.

Скоро выбегут на улицу,
как большие дети Ленина,
и сыграют в революцию
циркового представления.

Мимо дома с куполами
пробегаю налегке
то в ушанке, то в панаме,
то в дурацком колпаке.

Там сидит в укромной зале
днём и ночью, как живой,
карлик с жёлтыми глазами
и лохматой головой.

В этом здании под вечер
за дубовыми дверьми
деток маленьких увечат,
бьют отчаянно плетьюми.

Старики, как на вокзале,
спят за лавками в углу, –
тень умывшихся слезами
и подсевших на иглу, –

грудой спят они на груди.
Холоднее батарей
только высохшие груди
одиноких матерей.

Лишь один в укромной зале
днём и ночью – как живой,
карлик с жёлтыми глазами
и горячей головой.

Когда откажет совесть и голову сорвёт,
со всеми перессорясь, отправишься в полёт
среди чужих потёмок искать в себе изъян,
как истинный потомок летучих обезьян.
До лунного подола дотянешься крылом
и тут же валидолом закусишь корвалол.

За то, что тебя никогда не любил,
всего лишь испытывал жалость,
поставь мне оградку из тех же перил,
которых мы оба держались,

когда эту жизнь получалось предать,
и мы, не взирая на годы,
спускались в подземную тишь-благодать,
хранилище полной свободы.

За то, что с тобой никогда не грустил,
всего лишь испытывал скуку,
неси на мой холмик водичку в горсти
и лей эту блажь через руку,

крест-накрест, бесславная подать богам,
как будто бежал с поля брани.
Слова я когда-то учил по слогам,
три слога у слова «бывает».

За то, что, стыдись, не поверил тебе,
вернее, поверил, но поздно,
пусть сын мой играет на медной трубе,
когда я умру, хепши бёздей.

Когда в голове зашумит самолёт
и тут же начнётся обратный отсчёт,
что скажешь ещё, кроме: Вот она, вот.

Красивые ангелы в снежном вельвете
прижмутся к тебе аккуратно, как дети,
которые будят отца на рассвете.

С улыбкой припомнишь былую родню
и то, что пьянел по три раза на дню,
рыдая: Ни в чём я себя не виню.

Могучая кучка рассерженных женщин
злоеще исполнит симфонию трещин
и прочие, в общем-то, скучные вещи.

Бессмысленно, будто чужие, мелькнут
за долю секунды предсмертных минут
облупленный Гитис и Литинститут,

казармы отдельных частей желдорбата,
советская школа в период распада
и даже развалины детского сада.

Но всё это мелочь, смешной разворот,
когда бы не фраза, скривившая рот:
Ну, вот она, вот.

1.

Это счастье:
тьма в окошке,
ад с любимой в шалаше,
на душе скребутся кошки –
тошно кошкам на душе.

Это горе:
свет в окошке,
рай под боком у жены,
на душе пригрелись кошки,
спят и даже видят сны.

2.

С утра пораньше проснись и выпей,
придай надменность своей походке.
Тебе сегодня вручают вымпел
«Переходящий» за верность водке.

Поглубже пряча печаль и скуку,
держись достойно, как при параде:
сам участковый, сморкаясь в руку,
представит лично тебя к награде.

И всякий сможет расправить плечи,
когда с трибуны под залп орудий
ты прогнусавишь в ответной речи:
– Заслуга ж ваша... Спасибыч, люди!

3.

Синий-синий дым над лесом,
у реки всплакнули вербы:
будь ты плотник или слесарь,
без работы не сидел бы.

Облаков цыганский табор
голосит: червона рута,
будь ты каменщик, тогда бы
не остался без приюта.

Всюду слышен птичий говор,
дуб качнулся величаво:
будь ты хоть какой-то повар,
в животе бы не урчало,

будь ты пахарь настоящий,
рыл бы землю то и дело.
Скоро-скоро сложат в ящик
бестолковейшее тело,

и потом, как только полночь
озарится тихим светом,
ветер молвит: вот же сволочь,
умер истинным поэтом.